

Адвокатура как женская профессия в дореволюционной России*

Евгений Крестьянников

Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Advocacy as a Women's Profession in Pre-revolutionary Russia**

Evgenii Krestyannikov

HSE University,
Moscow, Russia

In the late tsarist era, women began to enter traditionally male-dominated professions. The legal profession was appealing to them, and some Russian women sought to join its ranks. Some of them were successful in participating in trials as lawyers. This work is the first in historiography to focus on such cases. The use of micro-historical detail, a gender-based analysis of the change in the social role of women, and materials from periodicals, archival documentation, and memoirs make it possible to explore the issue of women's ability to practice law and the changes in the legal profession itself that could follow. Since the 1870s, Russian women have been a notable presence in the legal profession and were very active in Siberia and Finland, where there were special judicial procedures at the time. However, in places where the Judicial Regulations of 1864 were in force, an obstacle for them was the requirement for attorneys to have a diploma of higher legal education. At the beginning of the twentieth century, women were allowed to graduate from university law faculties, which gave them a right to apply for legal professions. Several Russian women took part in court hearings as attorneys. However, such actions were suppressed by the authorities, and the official employment of certified lawyers in the legal profession was made impossible. Nevertheless, they often found employment in positions that allowed them to implement their acquired knowledge providing legal assistance to the population. The work of women lawyers, like that of other Russian women in the service of the law, returned certain results and received mostly positive assessments from

* Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** *Citation*: Krestyannikov, E. (2025). Advocacy as a Women's Profession in Pre-revolutionary Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 300–318. DOI 10.15826/qr.2025.1.967.

Цитирование: Krestyannikov E. Advocacy as a Women's Profession in Pre-revolutionary Russia // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 300–318. DOI 10.15826/qr.2025.1.967 / Крестьянников Е. Адвокатура как женская профессия в дореволюционной России // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 300–318. DOI 10.15826/qr.2025.1.967.

male lawyers, politicians, and members of the public. The feminisation of the legal profession was starting, and the gender factor was given special attention to in court hearings with the participation of women attorneys. Adapting to the profession, Russian women imitated men. In their behaviour and manners, it was already difficult to discern the virtues that were traditionally attributed to females. They came to court to defend someone's interests prepared, having mastered the skills of a lawyer, and won cases, and their legal activities were generally recognised as successful and worthy of the trust of their clientele.

Keywords: Russia in the 19th – early 20th centuries, women lawyers, advocacy, qualifications, justice

В поздней царской России женщины стали осваивать профессии, прежде считавшиеся мужскими. Привлекательной для них являлась адвокатура, и некоторые россиянки пытались вступить в ее ряды, а отдельным удалось принять участие в судебных процессах в качестве адвокатов. В статье впервые в историографии фокусируется внимание на таких случаях. Применение микроисторической детализации и гендерной исследовательской оптики, а также использование материалов периодической печати, архивной документации и мемуаристики позволяют изучить вопрос о способности женщин к адвокатской практике и те изменения в самой адвокатуре, которые могли последовать за появлением в ней лиц женского пола. Россиянки были замечены в адвокатской деятельности с 1870-х гг., проявляли большую активность в Сибири и Финляндии, где существовали особенные судебные порядки, а в зоне действия Судебных уставов 1864 г. препятствием для них являлось предъявлявшееся к поверенным требование иметь диплом о высшем юридическом образовании. В начале XX в. женщины получили право оканчивать юридические факультеты университетов, что давало им повод претендовать на адвокатский труд, и несколько россиянок приняли участие в заседаниях судов поверенными. Однако такие действия пресекались властями, и официальная занятость женщин – дипломированных юристов в адвокатуре делалась невозможной. Тем не менее, часто они трудоустривались на позициях, позволявших им реализовать полученные знания, нередко занимаясь правовой помощью населению. Работа женщин-адвокатов, как и других россиянок, находившихся на службе закона, имела определенные результаты и получала в основном положительные оценки правоведов, политиков и представителей общественности. Начинаясь процесс феминизации адвокатуры, и в судебных заседаниях с участием женщин в качестве поверенных специального внимания удостоивался гендерный фактор. Приспосабливаясь к профессии, россиянки подражали мужчинам, в их поведении и манерах уже трудно было разглядеть добродетели, которые традиционно приписывались лицам женского пола. Они приходили в суд защищать чьи-либо интересы подготовленными, освоившими адвокатское мастерство, и выигрывали процессы, а их юридическая деятельность заслуживала доверия клиентуры.

Ключевые слова: Россия в XIX – начале XX в., женщины-юристы, адвокатская профессия, квалификация, правосудие

Во второй половине XIX в. на большинстве континентов, правда, пока в незначительном количестве государств женщинам разрешалось работать адвокатами, и где-то они уже достигали профессиональных успехов [Albisetti; Mossman; Sorabji]. Интерес россиянок к адвокатскому труду зародился в эпоху Великих реформ, когда происходила ломка традиционных устоев и неотвратимо ставился вопрос о женской эмансипации. Однако в императорской России на общих законных основаниях возможность трудиться поверенными женщинам так и не была предоставлена, вероятно, из-за угроз политического характера: разрешение женской адвокатуры могло открыть для россиянок вход во власть, да и вообще сильно ударить по господству мужчин в государстве и социуме [Krest'iannikov].

Женщины не теряли надежды, в отдельных случаях даже участвуя в судебных процессах в качестве защитников подсудимых, истцов и ответчиков. Они как юристы-практики вставали на путь освоения профессии, который прошли российские адвокаты-мужчины, а также двигались по стопам женщин других стран, реализуя похожие стремления и встречая аналогичные препятствия, включая политические. Поэтому становление женской адвокатуры принято изучать через взаимосвязи между гендером, властью и профессионализацией [Mossman, p. 9–14].

На первом этапе россиянкам предстояло добиться трудоустройства поверенными. Главный барьер, отделявший их от занятий профессией, считавшейся мужской, возвели Судебные уставы 1864 г., и хотя либеральный кодекс провозглашал равенство всех перед законом и являлся триггером эмансипации общества, но для вступления в состав адвокатуры он требовал наличия высшего юридического образования. Наверное, в те времена никому в голову не приходило вспомнить про женщин, поскольку их с университетскими дипломами позволяла вообразить только преувеличенная фантазия [Розин, с. 337].

Однако в отношении деятельности частных поверенных, разрешенной законом от 25 мая 1874 г., образовательный ценз не применялся [ПСЗ-2, т. 49, № 53573], чем и решили воспользоваться женщины, начавшие добиваться получения данного звания, а органы правосудия не отказывали поступавшим от них ходатайствам [Павлов-Сильванский, с. 16]. Наиболее известной из просительниц являлась Е. Ф. Козьмина, добившаяся свидетельства на право хождения по чужим делам в Нижегородском окружном суде. Но 30 апреля 1875 г. министр юстиции К. И. Пален распорядился приостановить выдачу лицам женского пола упомянутых свидетельств; Сенат же после рассмотрения жалобы девушки на эту директиву определил ее не соответствовавшей содержанию одного из высочайших повелений. Тогда 7 января 1876 г. был принят репрессивный закон, запретивший россиянкам трудиться частными поверенными [ПСЗ-2, т. 51, № 55455; Полянский, с. 234–235; Павлов-Сильванский, с. 17–19; Свенцицкий].

Впрочем, пространство империи за пределами зоны действия Судебных уставов включало территории с особыми системами

правосудия, предоставлявшими женщинам шанс защищать подсудимых и вести гражданские производства. С конца 1880-х гг. в еще дореформенных судах Сибири такой деятельностью прославляли свое имя М. П. Аршаулова и В. Л. Кичеева [Крестьянников, 2020]. Чуть позже с той же целью посещать автономные от российских суды Финляндии стали С. Силен и А. Окессон, а в октябре 1909 г. набирал обороты резонансный судебный процесс в Хельсинки, где адвокатом выступила первая финская женщина с высшим юридическим образованием А. Лундель [Korpiola].

В начале XX в. вузовский диплом правоведа стал доступным для россиянок. Количество дам – дипломированных юристов примерно за десятилетие к 1916 г. приблизилось к 400 [Крестьянников, 2023, с. 69]. Некоторые отправились ходатайствовать о приеме в адвокатуру в советы присяжных поверенных (органы адвокатского самоуправления, решавшие вопросы трудоустройства адвокатов). В 1908 г. раньше остальных это сделали Я. С. Подгурская (ил. 1), М. М. Гиршман и Л. А. Бубнова в Москве [ЦГАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42. Л. 258 об., 315 об. –316, 368 об. –369, 371 об., 411 об. –412], но их прошения после удовлетворения советами заблокировала местная судебная палата.

В столице таким путем пошла Е. А. Флейшиц. 6 ноября 1909 г. она даже вышла в роли помощника присяжного поверенного на судебное заседание защитником подсудимых. Но в начале процесса последовал протест прокурора Г. И. Ненарокова против ее участия, а поскольку судейская коллегия все-таки дозволила россиянке защищать, прокурорский работник покинул зал, чем вызвал небывалый в судебном мире скандал [Отчет совета, с. 10–12; Биржевые ведомости, 1909, 7 нояб.; Речь, 1909, 7 нояб.]. Потом последовали еще попытки Е. А. Гинзбург в Киеве [РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115. Л. 56–57 об.] (ил. 2), А. Г. Ярошевской в Одессе [Шестой отчет, с. 13–17], И. Г. Пшеничной в Саратове [Исторический очерк, с. 125–127], Л. П. Рушковской в Омске [ИсАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188. Л. 37–50], Л. А. Богородицкой, О. А. Вегер и М. А. Илговской в Казани

1. Янина Сильверстовна Подгурская. Фотография. Ок. 1907 [ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 77. Д. 5403. Л. 20]

Yanina Silverstovna Podgurskaya. Photograph. Around 1907

2. Елена Абрамовна Гинзбург. Фотография. Начало XX в. [Гальперин-Гинзбург]

Elena Abramovna Ginzburg. Photograph. Early 20th century

[РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 488–489 об.], но всем им также не дали заниматься адвокатской деятельностью. Основанием отказа большинству перечисленных являлось уже постановление Сената от 13 ноября 1909 г., молниеносно последовавшее за выступлением Е. А. Флейшиц и запретившее женщинам адвокатскую деятельность [Сборник, с. 371–374]. Законопроект же о разрешении таковой 23–24 мая 1912 г. получил одобрение в Государственной думе [Государственная дума, с. 2329–2334, 2446–2470], но 23–24 января 1913 г. провалился в Государственном совете [Государственный совет, с. 809–910].

Женщинам – дипломированным юристам в начале XX в. приходилось искать работу в иных сферах, бывавших, однако, родственными адвокатскому ремеслу. К примеру, в декабре 1910 г. выпускница Санкт-Петербургских (Бестужевских) высших женских курсов С. М. Хлытчиева устроилась заместителем заведующего столом судебных учреждений в юридическом отделе правления общества Владикавказской железной дороги [Хлытчиева, с. 264]; пресса в начале 1913 г. сообщала о некой женщине-юристе, принятой на должность по профилю полученного образования Московской городской управой [Развлечение, 1913, 10 янв.]. На страницах журнала «Женская жизнь» рассказывалось, что обладательницы дипломов правоведа «работали у нотариусов, адвокатов, в городских и земских управах, в обществах патроната и в качестве юрисконсультов торговых фирм» [Горин, с. 8].

Действительно, женщины с высшим юридическим образованием находили работу в области юриспруденции, что положительно характеризовало их квалификацию и профессиональные качества. Так, в 1907–1912 гг. удостоилась университетского диплома 61 москвичка, из которых по десять являлись помощниками адвокатов, обслуживали юридические потребности фирм и попечительствовали при детском суде, а пятеро готовились к магистерским экзаменам; остальные же служили у нотариусов, в канцеляриях окружных судов, в городской и земской управах и т. д. [Женское дело, 1913, № 11, с. 12].

Женщины-юристы не оставили надежды войти адвокатами в храмы правосудия. Они неоднократно участвовали в заседаниях мировой юстиции, ведь сенатский запрет по «делу Флейшиц» (данное название закрепилось в юридическом сообществе) относился исключительно к окружным судам. Известность получили случаи, когда 19 мая 1913 г. мировой судья Сущёвского участка Москвы С. А. Зилов допустил к защите по уголовному делу О. Е. Коновицер, а 10 марта 1914 г. один из столичных мировых судей разрешил выступать по гражданскому делу А. А. Миропольской. Но на служителей Фемиды, покровительствовавших женщинам-адвокатам, обрушился гнев министра юстиции И. Г. Щегловитова, пожалуй, главного тогдашнего недоброжелателя женской адвокатуры, и над ними нависла угроза дисциплинарного наказания [Вестник права и нотариата, 1913, № 21, с. 665; Вестник права, 1915, № 10, с. 316–317; РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 4316. Л. 6–9; Ф. 1405. Оп. 531. Д. 215. Л. 3–16 об.]. Сама жизнь

вырабатывала способы преодоления ограничений в трудоустройстве, и россиянкам удавалось находить работу неофициально. Знаток вопроса А. В. Лучинская констатировала:

Закон обходят. Обходят его женщины, выступающие в судах по купленным искам, женщины, выступающие там по доверенностям на управление делами, женщины, дающие советы в консультациях [Лучинская, с. 422].

Благодаря анкетированию среди выпускниц юридических факультетов, проведенному Обществом Санкт-Петербургских (Петроградских) женщин-юристов дважды в 1914 и 1916 гг., известна картина их занятости. Результаты первого указывали, что со стабильными местом работы и доходами дам-юристов было 70 %, но из них только 48 % зарабатывали на поприще юриспруденции. Предпринятое в военное время второе анкетирование свидетельствовало о росте востребованности россиянок-правоведов. По аналогичным показателям цифры составили 81 и 55 % соответственно. Причем все больше девушек занималось консультированием по вопросам права: в 1914 г. причислили себя к юрисконсультам 40 % опрошенных, в 1916 г. значительно больше – 64 % [Бахтерева, 1916, с. 82; Бахтерева, 1917, с. 18, 21]. Речь идет о тех, кто брался в общем-то за одинаковую с присяжными поверенными и помощниками присяжных поверенных деятельность, как правило, работая с ними рука об руку.

В поздней имперской России накапливался материал, позволявший разглядеть в юридической профессии женские черты. Уже на первых порах феминизация адвокатуры приводила к формированию особенной эстетики и функциональным подвижкам в адвокатском труде. Выступления женщин-адвокатов в суде привлекали внимание своим гендерным ракурсом, предметами пристального рассмотрения и оценивания в судебных заседаниях становились их внешность, характеристики и атрибуты их одежды, человеческие качества, стиль поведения и др., что в случаях с мужчинами мало кого интересовало. Кроме того, особенности женской физиологии и психологии заставили задуматься о гендерной специализации адвокатской профессии.

Хотя женщин, претендовавших на работу в зале суда, иногда упрекали в стремлении к внешним эффектам и в эгоистическом желании показать себя [Петровский, с. 1], однако это скорее было связано со стремлением журналистов произвести эффект своими публикациями. Из газет известно, что М. П. Аршаулова была «небольшого роста» и обладала «симпатичной наружностью» [Сибирский вестник, 1889, 14 мая]. По поводу Е. А. Флейшиц, в зависимости от политических пристрастий и отношения к положению женщин в стране, встречались полярные взаимоисключающие описания. Либеральная журналистика награждала ее качествами чрезвычайной неприхотливости в одежде [Биржевые ведомости, 1909, 7 нояб.] и воздержанности в манерах

даже за пределами судебных стен. В частности, после того как она в интервью «Петербургской газете» назвала себя «никому не известной девушкой», корреспондент отреагировал: «Мне осталось только похвалить скромность нового адвоката» [Петербургская газета, 1909, 9 нояб.]. Но правая пресса, характеризуя появление той же девушки на судебном заседании как «натиск иудеев на русский суд» и даже как один из шагов к их всемирному господству (в «деле Флейшиц» имелся антисемитский подтекст) [Вече, 1909, 10 нояб.; Земщина, 1909, 7 нояб.], создавала при ее описании образ женщины легкого поведения, имевшей якобы намерение своей полуобнаженной грудью и крайне соблазнительным туалетом склонить чашу весов Фемиды на сторону защиты [Покровская, с. 263; РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 173].

Из неизменных аксессуаров, наиболее выразительно маркировавших идентичность представителей адвокатуры, выделялись черный фрак, портфель и значок с надписью «Закон». Великий русский адвокат Н. П. Карабчевский, вспоминая о своем вступлении в поверенные, рассказывал о покупке в первую очередь «довольно внушительных размеров портфеля» и строгого костюма, объясняя приобретения тем, что «без фрака и без портфеля адвоката не бывает» [Карабчевский, с. 28].

По сообщениям прессы, М. П. Аршаулова и Е. А. Флейшиц предстали в суде в черных платьях [Судебная газета, 1889, 4 июня; Биржевые ведомости, 1909, 7 нояб.], безусловно становившихся аналогом фрака. А. Лундель, судя по изображениям в газетах и журналах, тоже носила непритязательные темные одежды, олицетворявшие принадлежность к серьезной профессии [Nordisk Damtidning, 1910, s. 1–2; Helsingin Sanomat, 1910, № 17, s. 6; Koti ja Yhteiskunta, 1911, № 12, s. 121]. На судебном заседании у А. А. Миропольской имелись на груди университетский значок, наверняка заменявший адвокатский, и в руках – увесистый портфель [Петербургский курьер, 1914, 15 марта], чем девушка, скорее всего, подражала коллегам мужского пола.

В немногочисленных образцах действий и манер женщин-адвокатов также угадывались черты, свойственные в соответствии с традиционными эталонами скорее мужчинам: уверенность в собственных силах, настойчивость, бескомпромиссность, убежденность. Их наличие доказывалось смелыми выступлениями в суде перед публикой и подачами ходатайств о принятии в адвокатуру. М. П. Аршаулова показала судебному хроникеру персону, «говорившей довольно красиво, бойко», с «чувством» и «отсутствием всякой робости» [Судебная газета, 1889, 4 июня]. 6 ноября 1909 г. Е. А. Флейшиц не отчаялась, уверенно заявив на судебном заседании и по его окончании, что продолжит адвокатскую деятельность [Речь, 1909, 7 нояб.; Биржевые ведомости, 1909, 8 нояб.].

Действительно, женщины-адвокаты совсем не являлись носителями привычных для эпохи традиционных женских добродетелей. А. Лундель отважилась вести дело девушки Т. Стрёмберг, от которого отказывались даже мужчины-адвокаты по причине его безнадежности.

Подсудимую незаконно и против собственной воли врачи определили в сумасшедший дом, и шансы выиграть процесс, начавшийся 28 октября 1909 г., считались призрачными [Naisten Ääni, 1909, № 21, s. 248–249; Nordisk Damtidning, 1910, s. 1–2]. На следующий день корреспондент хельсинкской «Måndagen» взял интервью у героинь первого раунда состоявшегося судебного разбирательства. Нелюдимая и стеснительная деревенская уроженка Т. Стрёмберг демонстрировала неуверенность, ее лицо выражало страдание, но из разговора совсем не следовало, что она умалишенная. Ее адвокат же ярко контрастировала с робкой и застенчивой подзащитной, охотно встретила с журналистом, четко ответив на поставленные вопросы, а в ее словах угадывалась решимость довести дело до победы [Måndagen, 1909, 1 Nov.].

Зайдя в мировой суд на процесс с участием А. А. Миропольской, репортер «Петербургского курьера» надеялся встретить женщину-адвоката, «выступавшую горячей защитницей людей обездоленных, страдающих», но увидел обратное. Девушка защищала интересы фирмы, уволившей работника без предупреждения, что, собственно, стало поводом для иска, и в напористом атакующем стиле полностью подавила противоположную сторону. «Истца в испарину от этого заявления ударило», – заметил хроникер. Мировой судья, видя беспомощность тяжущегося и испытывая к нему сочувствие, даже отложил разбирательство [Петербургский курьер, 1914, 15 марта].

Проявления женственности в судебной деятельности в принципе не приветствовались. В прессе сообщалось о правительственных опасениях в том, что присутствие женщины в судопроизводстве может повредить судейскому беспристрастию [Биржевые ведомости, 1909, 10 нояб.]; эту тему развивали чиновники Министерства юстиции и сам И. Г. Щегловитов в парламенте, приводя аргументы против женской адвокатуры. Они припоминали случай в Италии 1880-х гг., когда женщине было отказано в адвокатской практике с указанием на женское обаяние как обстоятельство, позволявшее влиять на судебные решения и дискредитировавшее суд [Государственный совет, с. 837; РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 419–421].

В лагере противников женской адвокатуры профессию считали исключительно мужской. Лидер черносотенцев В. М. Пуришкевич заявлял по этому поводу: «Я уважаю женщину-мать, женщину-жену, но не признаю женщин, занимающихся не своим делом» [Петербургская газета, 1911, 11 нояб.]. И. Г. Щегловитов называл адвокатский труд препятствующим исполнению материнского долга и «непосильным для женщин» [Государственный совет, с. 831, 839]. Впрочем, даже среди сторонников россиянок-адвокатов встречались скептики. Так, Н. П. Карабчевский, звавший их в корпорацию поверенных словами «милости просим», тем не менее, сомневался, что им «под силу настоящая адвокатская работа» [Петербургская газета, 1909, 9 нояб.].

Подобные рассуждения убеждали далеко не всех. «Женский вестник» резонно замечал: если некий суд подвержен соблазнам женского

очарования, то тем самым он «подписал свою отставку» [Непорожня, с. 82]. Россиянки уже утвердились в разнообразных сферах труда, и доводы об их слабости применительно к адвокатуре выглядели натянутыми. На это, в частности, указала Е. А. Флейшиц в одной из своих статей, перечислив ряд профессий различной физической и интеллектуальной сложности, освоенных подданными женского пола, от врача и архитектора до работницы фабрики и извозчика [Флейшиц, 1910, с. 68].

Символично, что в Государственном совете законопроект о разрешении женщинам заниматься адвокатской практикой на входе получил одобрение. 8 декабря 1912 г. в комиссии законодательных предположений соответствующей палаты парламента приводился внушительный перечень российских законов и разрешенных ими для россиянок будто бы мужских профессий, в том числе службы в государственных учреждениях. Согласно выводу комиссии, женский труд совсем не препятствовал «успешному ходу дел», а, с другой стороны, работавшие женщины нисколько не оказались потерянны для семьи, напротив, зарекомендовав себя «примерными женами и матерями» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115. Л. 38–41].

Выдающийся русский юрист А. Ф. Кони, опираясь на богатейший опыт судебной практики, считал женщин не только годными к адвокатуре, но и полезными для нее. На периоды временной нетрудоспособности (беременности, послеродового периода), утверждал правовед в Государственном совете, они могли подменяться коллегами, как это делали мужчины в случае болезни, но зато благодаря своим трудолюбию, внимательности и кропотливости предположительно превосходили лиц противоположного пола в работе по гражданским делам [Кони, с. 435–436, 438]. Кстати, о своих желаниии и способности вести именно такие дела, которые первоначально представлялись более посильными, чем уголовные, заявляла Я. С. Подгурская, которой профессия адвоката казалась «простой и легкой». В интервью она с оттенком иронии убеждала читателей «Голоса Москвы»:

По-моему, для женщины гораздо труднее быть врачом. Я не понимаю, почему женщины до сих пор не избрали профессии адвоката. Что же касается довольно распространенного мнения, будто женщины лишены ораторских способностей, то я с этим не согласна: по-моему, ораторские способности зависят в значительной степени от интеллигентности и знаний. Да взгляните на наших адвокатов: из них на сотню приходится, быть может, один талантливый [Голос Москвы, 1908, 24 мая].

Ей первой удалось преодолеть весьма серьезные фильтры, установленные против проникновения в адвокатуру сомнительного в профессиональном и моральном отношении контингента. Таким, как она, следовало соответствовать квалификационным требованиям, предъявлявшимся законом и профессиональным сообществом, а для

успешной карьеры им было необходимо признание их как специалистов со стороны коллег, судебных деятелей и, весьма важно, клиентуры.

Поскольку женщин в дореволюционной России так и не допустили в суды в качестве адвокатов, уровень их подготовленности к профессии среди прочего целесообразно выяснять по общей оснащенности юридическими знаниями. Судебные уставы заставляли предъявлять дипломы о высшем юридическом образовании, и, в отличие от мужчин, первые женщины-адвокаты приходили в советы присяжных поверенных с документами об окончании двух вузов, поскольку закон допускал в адвокатуру исключительно окончивших российские университеты, а в них лицам женского пола поначалу учиться не позволялось. До отечественных аттестовались в иностранных университетах Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман и Л. А. Бубнова [Из прошлого, с. 27]; Е. А. Флейшиц и А. Г. Ярошевская изучали юриспруденцию в Парижском и Санкт-Петербургском университетах [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 2157. Л. 1–2 об.; Оп. 18. Д. 45. Л. 16], Е. А. Гинзбург – в Парижском и Харьковском [РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 68], И. Г. Пшеничная – в Женевском и Санкт-Петербургском [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 749. Л. 1].

При обсуждении женской адвокатуры ее противники позволяли себе высказываться о низком качестве российского высшего юридического образования для женщин. В Государственном совете 23–24 января 1913 г. об абсолютной беспочвенности такой критики заявили бывший ректор Харьковского университета Д. И. Багалей и знаменитый правовед, бывший ректор столичного университета и профессор Бестужевских высших женских курсов Д. Д. Гримм: слушательницы университетов изучали одинаковые со студентами-мужчинами дисциплины, сдавали экзамены в единых комиссиях в составе одних и тех же профессоров [Государственный совет, с. 875–889]. Программы преподавания на юридическом факультете «Бестужевки», выпускницы которой одними из первых заявили претензии на университетские дипломы, соответствовали программам юридических факультетов университетов [Федосова, с. 92].

Думается, сами женщины-адвокаты понимали, на какой сложный путь они вступали, и готовились к нему. Первая из них Е. Ф. Козьмина в письме 26 сентября 1875 г. А. Ф. Кони отмечала, что для успешного входа в адвокатскую профессию потратила «труды и бессонные ночи, проведенные в занятиях» [ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2141. Л. 1 об.]. В начале XX в. по общей теоретической правоведческой подготовке дамы-юристы, очевидно, превосходили большинство поверенных мужского пола. Статьи М. М. Гиршман, Л. А. Бубновой, Е. А. Флейшиц, Е. А. Гинзбург отличались информативностью и публиковались в солидных периодических изданиях, в том числе юридических, и только на тему женщин-адвокатов известен целый ряд их работ [Флейшиц, 1910; Флейшиц, 1914; Флейшиц, 1915; Гиршман; Русские ведомости, 1909, 26 нояб.; Гальперин-Гинзбург, с. 75–87]. Характерно,

что когда в Министерстве юстиции подготавливались возражения против женской адвокатуры, существенную часть информации относительно развития аналогичного вопроса за рубежом министерские аналитики подчерпнули именно из статьи Е. А. Флейшиц [РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 357–358 об.].

Подобно знаменитой А. М. Евреиновой, вернувшейся в 1870-х гг. правоведем из Лейпцигского университета и в России занимавшейся юридическими исследованиями, заслужившими признание в форме членства в Московском юридическом обществе [Пиетров-Эннкер, с. 253], женщины-адвокаты показывали себя состоятельными в научной юриспруденции. Е. А. Гинзбург избиралась членом университетского Киевского юридического общества по отделу обычного права [Женский вестник, 1912, № 4, с. 111–112], а после неудачи в адвокатуре карьера ученого привлекла Е. А. Флейшиц, 23 ноября 1915 г. юридический факультет Петроградского университета постановил допустить ее к испытанию на степень магистра гражданского права [Женский вестник, 1915, № 12, с. 220]; позже она попала в разряд выдающихся советских цивилистов [Братусь].

Особенности поведения представителей адвокатуры определялись сильными корпоративным духом и традициями, а жизнь с самого начала существования «вырабатывала обычаи, предания, составляющие ее силу» [Арсеньев, с. 3–4]. Им подчинялся порядок отбора кандидатов в профессию, когда, например, в столице ответственность за него возлагалась на самостоятельные организации помощников присяжных поверенных, по рекомендациям которых прием производил совет. Желавший поступить в столичную адвокатуру обязывался представить трех поручителей и выбрать себе наставника – присяжного поверенного¹.

Такую процедуру сумела преодолеть Е. А. Флейшиц, профессиональное сообщество признало высокий уровень подготовки девушки. Руководителем она выбрала М. Л. Гольдштейна [Петербургская газета, 1909, 9 нояб.], считавшегося «уважаемым и популярным петербургским присяжным поверенным» [Биржевые ведомости, 1909, 10 нояб.]. 4 июня 1909 г. комиссия помощников присяжных поверенных приняла от нее прошение и предложила предоставить отзывы трех поручителей [Вестник права и нотариата, 1909, № 23, с. 14], а 22 июня составила для совета мотивированный доклад о приеме женщины в адвокатуру [Право, 1909, № 26, с. 1555]. Похожий путь – через предварительное одобрение кандидатуры помощниками присяжных поверенных – прошла А. Г. Ярошевская в Одессе [Биржевые ведомости, 1910, 6 нояб.].

Неотъемлемыми компонентами оценки уровня профессионализма адвоката являются уважение и востребованность со стороны клиентуры. Московский совет присяжных поверенных высказывался в связи с этим:

¹ Серьезность отбора показывает тот факт, что в 1904 г. с первой попытки его не сумел пройти А. Ф. Керенский [Керенский, с. 30].

Принцип свободной профессии – в том, что обращение за помощью к данному лицу основано на доверии к нему. Источником этого доверия может быть личное знакомство, отзывы, известность, приобретенная на виду у всего общества. Ни врач, ни адвокат не предлагают своего труда. Они несут его тем, кто к ним обращается [Правила, с. 83].

Выступления в суде первых женщин-адвокатов оставили у многих положительные впечатления. Так, в 1911 г. депутат Государственной думы П. Герасимов, в частном интервью вспоминая о деятельности таковых во второй половине XIX в., даже характеризовал ее «безупречной» [Биржевые ведомости, 1911, 12 нояб.]. Е. Ф. Козьмина, М. П. Аршаулова и В. Л. Кичеева защищали чьи-то права в судах регулярно, что свидетельствовало об устойчивом к ним доверии. В суждениях о профессионализме поверенных значение имели качество клиентуры и характер дел. Поскольку В. Л. Кичеевой однажды довелось вести дело со стоимостью иска в громадную сумму – 24 тыс. руб. [Сибирский вестник, 1893, 19 марта], вероятно, ее услуги представлялись высококвалифицированными. То же самое можно предположить в отношении А. А. Миропольской: она защищала в мировой юстиции интересы весьма солидной фирмы «Siemens & Halske» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 215. Л. 4].

Как выяснило анкетирование, проведенное Обществом петроградских женщин-юристов, деятельность россиянок в качестве юрисконсультов характеризовалась всецело доверительным отношением со стороны клиентов [Бахтерева, 1917, с. 21–22]. Очевидно, консультационная деятельность отлично подходила женщинам, что стало широко использоваться в годы Первой мировой войны. Мужчин в адвокатуре из-за мобилизации становилось меньше, а военные обстоятельства породили множество новых юридических неопределенностей. В этих условиях дамы-юристы уже массово трудились на ниве юридической помощи населению, по словам корреспондента «Женской жизни» К. Горина, «всюду приобретая репутацию знающих и добросовестных работниц» [Горин, с. 8].

Только в юридическом отделе Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов в 1915–1916 гг. их числилось 28 [Отчет Юридического отдела, с. 5]. Как сообщал на всероссийском адвокатском съезде в апреле 1916 г. товарищ председателя столичного совета присяжных поверенных М. В. Беренштам, деятельность этих консультантов женского пола получала «одобрение» [Протоколы, с. 122]. Неудивительно, что они уже начинали руководить консультационными заведениями. Так, в конце 1915 г. юридическую консультацию в Воронеже возглавила и вполне справлялась со своими функциями некто Л. Я. Синайская [РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 63. Л. 26–28 об.].

Массовое распространение получила работа женщин в юридических фирмах Финляндии, и непосредственное отношение к ним имели С. Силен, А. Окессон и А. Лундель. Как функционировали такие

конторы, на основании своего опыта рассказывала сама А. Окессон на страницах феминистского журнала «Nutid». В описываемом заведении посетителей встречали три сотрудницы, одна из которых позиционировалась как опытный юрист, и только затем клиенты разговаривали с адвокатом-мужчиной [Nutid, 1911, № 10, s. 317–321].

В 1911 г. А. Лундель вместе с Х. Эрлундом основала юридическую фирму «Lundell & Erlund», и бизнес явно преуспел. Корреспондент «Naisten Ääni» однажды зашел в офис консультации вскоре после его открытия и увидел в приемной очередь, а из разговора с А. Лундель узнал о большом спросе на оказываемые здесь услуги [Naisten Ääni, 1911, № 12, s. 307–308]. В 1913 г. А. Лундель отказалась от партнерства и продолжила деятельность самостоятельно под вывеской уже со своим именем: «Agnes Lundell'in Asianajotoimisto». Благодаря целеустремленности, предприимчивости и юридическим знаниям девушка из небогатой семьи, в студенческие годы сводившая концы с концами, подрабатывая учительницей, стала состоятельным человеком, не утратившим чувства милосердия по отношению к нуждающимся [Korpiola, p. 305–306, 310]. В начале Первой мировой войны А. Лундель имела трехэтажную дачу из 22 комнат, которую была готова предоставить для размещения раненых [Финляндская газета, 1914, 6 (19) сент.].

Еще в дореволюционной России высказывалось мнение относительно состава клиентов, заинтересованных в услугах женской адвокатуры. Казалось, прежде всего ее помощью воспользуются россиянки, больше доверявшие себе подобным в силу естественных психологических причин. В свою очередь, дамы-юристы в таком случае виделись предпочтительней мужчин в качестве поверенных, поскольку они бы лучше поняли и ревностней защищали интересы женщин [Юрист, 1905, № 21, с. 790; Женский вестник, 1911, № 12, с. 272–274; Там же, 1912, № 5–6, с. 130].

Выступая в Государственном совете, И. Г. Щегловитов указывал на «непосильность» для женщин освоения «сложной адвокатской техники» [Государственный совет, с. 830]. Проверить достоверность утверждения было невозможно, но, судя по судебным хроникам, некоторые женщины-адвокаты вполне эффективно владели адвокатским мастерством.

Его применение демонстрировала М. П. Аршаулова на заседании Томского губернского суда 12 мая 1889 г. Тогда апелляционное производство велось по решению о преступлении неких М. И. Куренкова и Н. Мельникова, осужденных ранее Томским окружным судом (первая дореформенная судебная инстанция в Сибири). Не согласившись с приговором, крестьяне решились на его обжалование и заявили, что не они избili чиновника, а тот в их отношении «совершал разные насилия». В суде второй степени обжалование поддерживала М. П. Аршаулова, умно приводившая свои доводы: она сослалась на свидетельства десяти человек, утверждавших, что неправомерно наказанные действительно подверглись «самоуправствам над ними», затем указала

на физическое состояние семидесятилетнего Н. Мельникова («совсем дряхлый старик, и, разумеется, он не в силах был кого бы то ни было бить»); в заключение она обратила внимание судей на среду, в какой жили ее клиенты: «Там самоуправство властей иногда переходит всякие границы». Судебная коллегия вынесла резолюцию, отменявшую приговор учреждения юстиции нижней ступени и означавшую победу женщины-адвоката [Сибирский вестник, 1889, 14 мая].

Е. А. Флейшиц, явившейся в суд защищать подсудимых, прежде пришлось оспаривать свое право быть адвокатом. Она не растерялась и перенесла на ситуацию известный юридический принцип, позволявший утверждать, что если закон не гласит о запрете женщинам выступать в роли защитника, значит, он это делать разрешает [Россия, 1909, 7 нояб.]. Фактически своим решением судебная коллегия поддержала ее доводы, а уход товарища прокурора Г. И. Ненарокова наставник Флейшиц М. Л. Гольдштейн расценил как триумф своей подопечной [Речь, 1909, 9 нояб.]. А. А. Миропольская своего оппонента в начале процесса оставила без всяких аргументов, указав на формальные недостатки иска, а затем совершенно сбита с толку, потребовав от суда взыскать с того судебные издержки [Петербургский курьер, 1914, 15 марта].

Адвокатские технологии наверняка хорошо освоила А. Лундель. Упомянутый ранее многомесячный процесс в Финляндии по делу Т. Стрёмберг окончился судебным вердиктом от 8 июля 1910 г., признавшим заключение девушки в дом для сумасшедших неправильным, а два доктора, виновных в этом, наказывались штрафами. Правда, сама девушка тоже была оштрафована за оскорбление врачей на судебном разбирательстве. Осужденные обжаловали решение в Абоском гофгерихте – второй судебной инстанции княжества, и тот 18 декабря 1913 г. постановил освободить их от всякой ответственности, а взыскание с женщины-правоведа сократить на одну треть [Naisten Ääni, 1913, № 27, s. 368; Финляндская газета, 1915, 3 (16) дек.]. В дальнейшем ей не удалось из-за препятствий судебных инстанций и Сената принести присягу в качестве судьи [Korpiola, p. 308–310], но она по-прежнему выступала в роли адвоката. По крайней мере, начальник сенатской Экспедиции юстиции Ф. Саарикоски письмом в канцелярию генерал-губернатора от 25 января 1913 г. констатировал, что А. Лундель «продолжает фактически вести дела в некоторых низших судах» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 451].

Порицая результаты голосования Государственного совета, состоявшегося в январе 1913 г., оставившие россиянок без права трудиться поверенными, авторитетный томский юрист М. Р. Бейлин писал: «Нельзя сказать, чтобы ограждение женщин от адвокатуры принесло пользу женщине и адвокатуре» [Сибирская жизнь, 1913, 2 февр.]. Действительно, адвокатская практика могла трансформироваться и поменять судьбы причастных к ней лиц женского пола, но едва ли это означало бы ее ухудшение, зато запрет адвокатской деятельности по признаку пола обязательно ограничивал перспективу улучшений. Вероятным было

обоюдное обогащение женщин и профессии на благо всей страны, что в поздней Российской империи вполне убедительно демонстрировали сами россиянки и показывала экспертиза их активности.

Архивы / Archives

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации [State Archive of the Russian Federation]. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2141.

ИсАОО – Исторический архив Омской области [Historical Archive of the Omsk Region]. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188.

РГИА – Российский государственный исторический архив [Russian State Historical Archives]. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115; Ф. 1354. Оп. 1. Д. 4316; Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190, 215; Ф. 1547. Оп. 1. Д. 63.

ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы [Central State Archives of the City of Moscow]. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42.

ЦГИА СПб – Центральный исторический архив Санкт-Петербурга [Central Historical Archive of St Petersburg]. Ф. 14. Оп. 15. Д. 749, 2157; Оп. 18. Д. 45.

Библиографические ссылки / References

Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–74 гг. СПб. : Тип. В. Демакова, 1875. 294 с.

Бахтерева А. И. Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. // Женский вестн. 1916. № 5–6. С. 81–87.

Бахтерева А. И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестн. 1917. № 2. С. 17–22.

Биржевые ведомости. 1909. 7, 8, 10 нояб.; 1910. 6 нояб.; 1911. 12 нояб.

Братусь С. Н. Научная деятельность Екатерины Абрамовны Флейшиц // Уч. зап. Всесоюз. ин-та юрид. наук. Вып. 9. М. : Госюриздат, 1959. С. 3–12.

Вестник права и нотариата. 1909. № 23.

Вестник права. 1915. № 10.

Вече. 1909. 10 нояб.

Гальперин-Гинзбург Е. А. Под знаменем права : сб. ст. Берлин : Тип. Куммер и К^о, 1923. 375 с.

Гиришман М. М. О праве женщин быть адвокатами // Вестн. права и нотариата. 1909. № 29. С. 4–16.

Голос Москвы. 1908. 24 мая.

Горин К. Женщина-адвокат // Женская жизнь. 1915. № 9. С. 7–8.

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб. : Гос. тип., 1912. 4336 с.

Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. – 4 июля 1913 г.). СПб. : Гос. тип., 1913. 2822 с.

Женский вестник. 1911. № 12; 1912. № 4, 5–6; 1915. № 12.

Женское дело. 1913. № 11.

Земщина. 1909. 7 нояб.

Из прошлого // Сов. юстиция. 1958. № 3. С. 26–28.

Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов : [Б. и.], 1914. 159 с.

Карабчевский Н. П. Около правосудия : статьи, сообщения и судебные очерки. СПб. : Труд, 1902. 460 с.

Керенский А. Ф. Россия на историческом переломе : мемуары. М. : Республика, 1993. 384 с.

Кони А. Ф. О допущении женщин в адвокатуру // Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. М. : Юридич. лит., 1967. Т. 4. С. 426–442.

Крестьянников Е. А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 63. С. 38–46. DOI 10.17223/19988613/63/5.

Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Урал. ист. вестн. 2023. № 2 (79). С. 68–79. DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76.

Крестьянников Е. А. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // Cahiers du Monde russe. 2023. Vol. 64. No. 3–4. P. 619–644. DOI 10.4000/monderusse.14114.

Лучинская А. В. Женщина-адвокат // Вестн. знаний. 1916. № 10. С. 420–422.

Непорожня М. По поводу прав женщин на адвокатуру // Жен. вестн. 1913. № 3. С. 81–82.

Отчет совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвертый год. С 1 марта 1909 г. по 1 марта 1910 г. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. 710 с.

Отчет Юридического отдела Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов. За первый год его деятельности с 1 мая 1915 г. по 1 мая 1916 г. Пг. : Тип. «Экономия», 1916. 58 с.

Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Рус. богатство. 1905. № 5. С. 1–26.

Петербургская газета. 1909. 9 нояб.; 1911. 11 нояб.

Петербургский курьер. 1914. 15 марта.

Петровский В. На верный путь // Журнал для хозяек. 1917. № 2. С. 1–2.

Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» в России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 444 с.

Покровская М. И. Предрассудки в суде // Жен. вестн. 1909. № 12. С. 261–263.

Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М. : Труд, 1901. 750 с.

Правила адвокатской профессии в России : Опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. М. : Тип. О. Л. Сомовой, 1913. 430 с.

Право. 1909. № 26.

Протоколы совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде и Москве (январь – апрель 1916 г.). М. : Изд. советов присяжных поверенных, 1916. 159 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 49, 51.

Развлечение. 1913. 10 янв.

Речь. 1909. 7, 9 нояб.

Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб. : Изд. юридич. склада «Право», 1916. 599 с.

Россия. 1909. 7 нояб.

Русские ведомости. 1909. 26 нояб.

Сборник определений соединенного присутствия и общего собрания Первого и Кассационных департаментов (1902–1912 гг.) и Высшего дисциплинарного присутствия (1885–1912 гг.) Правительствующего Сената по надзору за судебными установлениями. СПб. : Сенат. тип., 1913. 450 с.

Свенцицкий В. Забытая // Жен. дело. 1911. № 16. С. 4–5.

Сибирская жизнь. 1913. 2 февр.

Сибирский вестник. 1889. 14 мая; 1893. 19 марта.

Судебная газета. 1889. 4 июня.

Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М. : Педагогика, 1980. 144 с.

Финляндская газета. 1914. 6 (19) сент.; 1915. 3 (16) дек.

Флейшиц Е. А. Адвокаты будущего // Вестн. гражданского права. 1914. № 7. С. 58–70.

Флейшиц Е. А. Еще о женщинах в судебном представительстве // Вестн. права. 1915. № 34. С. 967–969.

Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 2. С. 63–73; № 3. С. 143–151.
Хлытчиева С. М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 : сб. ст. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 262–269.

Шестой отчет совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты за 1910 г. Одесса : Тип. «Одесских новостей», 1911. 214 с.

Юрист. 1905. № 21.

Albisetti, J. C. (2000). Portia Ante Portas: Women and the Legal Profession in Europe, ca. 1870–1925. In *J. of Social History*. Vol. 33. No. 4, pp. 825–857.

Arsen'ev, K. K. (1875). *Zametki o russkoi advokature. Obzor deyatel'nosti Sankt-Peterburgskogo soveta prisyazhnykh poverennykh za 1866–74 gg.* [Notes on Russian Advocacy. Review of the Activities of the St Petersburg Council of Sworn Attorneys for 1866–1874]. St Petersburg, Tipografiya V. Demakova. 294 p. (*In Rus.*)

Bakhtereva, A. I. (1916). Polozhenie zhenshchin-yuristov v Rossii po ankete 1914 g. [The Status of Women Lawyers in Russia According to the 1914 Questionnaire]. In *Zhenskii vestnik*. No. 5–6, pp. 81–87. (*In Rus.*)

Bakhtereva, A. I. (1917). Rezul'taty vtoroi ankety o polozhenii zhenshchin-yuristov v Rossii (1916 g.) [Results of the Second Questionnaire on the Situation of Women Lawyers in Russia (1916)]. In *Zhenskii vestnik*. No. 2, pp. 17–22. (*In Rus.*)

Birzhevye vedomosti [Birzhevye Vedomosti]. (1909). Nov. 7, 8, 10. (1910). Nov. 6. (1911). Nov. 12. (*In Rus.*)

Bratus', S. N. (1959). Nauchnaya deyatel'nost' Ekateriny Abramovny Fleishits [Scientific Activity of Ekaterina Abramovna Fleichitz]. In *Uchenye zapiski Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk*. Iss. 9. Moscow, Gosyurizdat, pp. 3–12. (*In Rus.*)

Fedosova, E. P. (1980). *Bestuzhevskie kursy – pervyi zhenskii universitet v Rossii (1878–1918 gg.)* [Bestuzhev Courses – the First Women's University in Russia (1878–1918)]. Moscow, Pedagogika. 144 p. (*In Rus.*)

Finlyandskaya gazeta [Finlyandskaya Gazeta]. (1914). Sept. 6 (19). (1915). Dec. 3 (16). (*In Rus.*)

Fleichitz, E. A. (1910). O zhenskoi advokature [About Women's Advocacy]. In *Pravo*. No. 2, pp. 63–73. No. 3, pp. 143–151. (*In Rus.*)

Fleichitz, E. A. (1914). Advokaty budushchego [Lawyers of the Future]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*. No. 7, pp. 58–70. (*In Rus.*)

Fleichitz, E. A. (1915). Eshche o zhenshchinakh v sudebnom predstavitel'stve [More about Women in Judicial Representation]. In *Vestnik prava*. No. 34, pp. 967–969. (*In Rus.*)

Gal'perin-Ginzburg, E. A. (1923). *Pod znamenem prava. Sbornik statei* [Under the Banner of Law. Digest of Articles]. Berlin, Tipografiya Kummer i Co. 375 p. (*In Rus.*)

Golos Moskvy [Golos Moskvy]. (1908). May 24. (*In Rus.*)

Gorin, K. (1915). Zhenshchina-advokat [Woman Lawyer]. In *Zhenskaya zhizn'*. No. 9, pp. 7–8. (*In Rus.*)

Gosudarstvennaya дума. Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety 1912 g. Sessiya pyataya. Chast' 4. Zasedaniya 120–153 (s 30 aprelya po 9 iyunya 1912 g.) [The State Duma. Third Convocation. Verbatim Reports of 1912. Fifth Session. Part 4. Sessions 120–153 (from April 30 to June 9, 1912)]. (1912). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 4336 p. (*In Rus.*)

Gosudarstvennyi soviet. Stenograficheskie otchety. 1912–1913 gg. Sessiya vos'maya. Zasedaniya 1–51 (1 noyabrya 1912 g. – 4 iyulya 1913 g.) [State Council. Verbatim Reports. 1912–1913. Session Eight. Sessions 1–51 (November 1, 1912 – July 4, 1913)]. (1913). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 2822 p. (*In Rus.*)

Helsingin Sanomat. (1910). No. 17.

Hirschman, M. M. (1909). O prave zhenshchin byt' advokatami [On the Right of Women to be Lawyers]. In *Vestnik prava i notariata*. No. 29, pp. 4–16. (*In Rus.*)

Istoricheskii ocherk deyatel'nosti soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Saratovskoi sudebnoi palaty v period 1905–1914 gg. [Historical Overview of the Activities of the Council of Sworn Attorneys of the District of the Saratov Court Chamber in the Period between 1905 and 1914]. (1914). Saratov, S. n. 159 p. (*In Rus.*)

Iz proshlogo [From the Past]. (1958). In *Sovetskaya yustitsiya*. No. 3, pp. 26–28. (In Rus.)

Karabchevskii, N. P. (1902). *Okolo pravosudiya. Stat'i, soobshcheniya i sudebnye ocherki* [Around Justice. Articles, Reports, and Judicial Essays]. St Petersburg, Trud. 460 p. (In Rus.)

Kerensky, A. F. (1993). *Rossiya na istoricheskom perelome: Memuary* [Russia at a Historical Turning Point: Memoirs]. Moscow, Respublika. 384 p. (In Rus.)

Khlytchieva, S. M. (1973). Vospominaniya yuristki pervogo vypuska [Memoirs of a First-Graduate Lawyer]. In *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskije (Bestuzhevskie) kursy. 1878–1918. Sbornik statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 262–269. (In Rus.)

Koni, A. F. (1967). O dopushchenii zhenshchin v advokaturu [On the Admission of Women to the Legal Profession]. In Koni, A. F. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 4, pp. 426–442. (In Rus.)

Korpiola, M. (2017). Attempting to Advocate: Women Entering the Legal Profession in Finland, 1885–1915. In *New Perspectives on European Women's Legal History*. N. Y., L., Routledge, pp. 292–318.

Koti ja Yhteiskunta. (1911). No. 12.

Krest'iannikov, E. A. (2023). Politicheskie signaly zhenskoy advokatury v pozdney Rossiiskoi imperii [The political context of women's legal practice in the late Russian Empire]. In *Cahiers du Monde russe*. Vol. 64, no. 3–4, pp. 619–644. DOI 10.4000/monderusse.14114.

Krestyannikov, E. A. (2020). Zhenskaya advokatura v dorevolyutsionnoi Rossii: sibirskii "sled" [Female Legal Profession in Pre-Revolutionary Russia: Siberian "Trace"]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 63, pp. 38–46. DOI 10.17223/19988613/63/5. (In Rus.)

Krestyannikov, E. A. (2023). Zhenshchiny-yuristy Rossiiskoi imperii nakanune i v usloviyakh Pervoi mirovoi voyny [Women Lawyers of the Russian Empire on the Eve and during the First World War]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2 (79), pp. 68–79. DOI 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76. (In Rus.)

Luchinskaya, A. V. (1916). Zhenshchina-advokat [Woman Lawyer]. In *Vestnik znanii*. No. 10, pp. 420–422. (In Rus.)

Måndagen. (1909). Nov. 1.

Mossman, M. J. (2006). *The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions*. Portland, Hart Publ. 330 p.

Naisien Ääni. (1909). No. 21. (1911). No. 12. (1913). No. 27.

Neporozhnyaya, M. (1913). Po povodu prav zhenshchin na advokaturu [Regarding Women's Rights to the Legal Profession]. In *Zhenskii vestnik*. No. 3, pp. 81–82. (In Rus.)

Nordisk Damtidning. Profnummer. (1910).

Nutid. (1911). No. 10.

Otchet soveta prisvyaznykh poverennykh pri Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palate za sorok chetvertyi god. S 1 marta 1909 g. po 1 marta 1910 g. [Report of the Council of Sworn Attorneys at the St Petersburg Judicial Chamber for the Forty-fourth Year. From March 1, 1909 to March 1, 1910]. (1910). St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 710 p. (In Rus.)

Otchet Yuridicheskogo otdela Petrogradskogo oblastnogo komiteta Vserossiiskogo soyuza gorodov. Za pervyi god ego deyatel'nosti s 1 maya 1915 g. po 1 maya 1916 g. [Report of the Legal Department of the Petrograd Regional Committee of the All-Russian Union of Cities. The First Year of Its Activity from May 1, 1915 to May 1, 1916.]. (1916). Petrograd, Tipografiya "Ekonomiya". 58 p. (In Rus.)

Pavlov-Sil'vanskii, N. (1905). O prave zhenshchin byt' advokatami [On the Right of Women to be Lawyers]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 5, pp. 1–26. (In Rus.)

Peterburgskaya gazeta [Peterburgskaya Gazeta]. (1909). Nov. 9. (1911). Nov. 11. (In Rus.)

Peterburgskii kur'er [Peterburgskii Kuryer]. (1914). March 15. (In Rus.)

Petrovskii, V. (1917). Na vernyi put' [On the Right Path]. In *Zhurnal dlya khozyaek*. No. 2, pp. 1–2. (In Rus.)

- Pietrov-Ennker, B. (2005). "Novye lyudi" v Rossii. Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoi revolyutsii ["New People" in Russia. Development of the Women's Movement from its Origins to the October Revolution]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 444 p. (In Rus.)
- Pokrovskaya, M. I. (1909). Predrassudki v sude [Prejudice in Court]. In *Zhenskii vestnik*. No. 12, pp. 261–263. (In Rus.)
- Polyanskii, A. (1901). *Russkaya zhenshchina na gosudarstvennoi i obshchestvennoi sluzhbe* [The Russian Woman in State and Public Service]. Moscow, Trud. 750 p. (In Rus.)
- Pravila advokatskoi professii v Rossii. Opyt sistematizatsii postanovlenii sovetov prisyazhnykh poverennykh po voprosam professional'noi etiki* [Rules of the Legal Profession in Russia. Experience in Systematising Decisions of Councils of Sworn Attorneys on Issues of Professional Ethics]. (1913). Moscow, Tipografiya O. L. Somovoi. 430 p. (In Rus.)
- Pravo* [Pravo]. (1909). No. 26. (In Rus.)
- Protokoly soveshchaniï predstavitelei sovetov prisyazhnykh poverennykh v Petrograde i Moskve (yanvar' – april' 1916 g.)* [Minutes of Meetings of Representatives of Councils of Sworn Attorneys in Petrograd and Moscow (January – April 1916)]. (1916). Moscow, Izdanie sovetov prisyazhnykh poverennykh. 159 p. (In Rus.)
- PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 49, 51. (In Rus.)
- Razvlechenie* [Razvlechenie]. (1913). Jan. 10. (In Rus.)
- Rech'* [Rech']. (1909). Nov. 7, 9. (In Rus.)
- Rossiya* [Rossiya]. (1909). Nov. 7. (In Rus.)
- Rozin, N. N. (1916). *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings]. St Petersburg, Izdanie yuridicheskogo sklada "Pravo". 599 p. (In Rus.)
- Russkie vedomosti* [Russkie Vedomosti]. (1909). Nov. 26. (In Rus.)
- Sbornik opredelenii soedinennogo prisutstviya i obshchego sobraniya Pervogo i Kassatsionnykh departamentov (1902–1912 gg.) i Vysshego distsiplinarnogo prisutstviya (1885–1912 gg.) Pravitel'stvyushchego Senata po nadzoru za sudebnymi ustanovleniyami* [Collection of Definitions of the Joint Presence and General Meeting of the First and Cassation Departments (1902–1912) and the Higher Disciplinary Presence (1885–1912) of the Governing Senate for the Supervision of Judicial Institutions]. (1913). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 450 p. (In Rus.)
- Shestoi otchet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Odesskoi sudebnoi palaty za 1910 g.* [Sixth Report of the Council of Sworn Attorneys of the District of the Odessa Court Chamber for 1910]. (1911). Odessa, Tipografiya "Odesskikh novostei". 214 p. (In Rus.)
- Sibirskaya zhizn'* [Sibirskaya Zhizn']. (1913). Febr. 2. (In Rus.)
- Sibirskii vestnik* [Sibirskii Vestnik]. (1889). May 14. (1893). March 19. (In Rus.)
- Sorabji, R. (2010). *Opening Doors: The Untold Story of Cornelia Sorabji, Reformer, Lawyer and Champion of Women's Rights in India*. L., N. Y., I. B. Tauris. 488 p.
- Sudebnaya gazeta* [Sudebnaya Gazeta]. (1889). June 4. (In Rus.)
- Sventsitskii, V. (1911). Zabytaya [The Forgotten One]. In *Zhenskoe delo*. No. 16, pp. 4–5. (In Rus.)
- Veche* [Veche]. (1909). Nov. 10. (In Rus.)
- Vestnik prava* [Vestnik Prava]. (1915). No. 10. (In Rus.)
- Vestnik prava i notariata* [Vestnik Prava i Notariata]. (1909). No. 23. (In Rus.)
- Yurist* [Yurist]. (1905). No. 21. (In Rus.)
- Zemshchina* [Zemshchina]. (1909). Nov. 7. (In Rus.)
- Zhenskii vestnik* [Zhenskii Vestnik]. (1911). No. 12, (1912). No. 4, 5–6, (1915). No. 12. (In Rus.)
- Zhenskoe delo* [Zhenskoe Delo]. (1913). No. 11. (In Rus.)